

ПОСЛЕДСТВИЯ УВЛЕЧЕНИЯ КОЛИЧЕСТВЕННЫМИ ПОКАЗАТЕЛЯМИ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ В НАУКЕ И ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ

М.Г. Лазар

Российский государственный гидрометеорологический университет, mihai_lazar@mail.ru

Изучаются последствия реформы в науке и высшем образовании России, преувеличенной роли количественных показателей эффективности (на деле — результативности) отдельных исследователей, научных и образовательных организаций. Доказывается, что эти показатели не учитывают содержательное разнообразие и дисциплинарную специфику наук и вырабатывались без непосредственного участия самих ученых. Поэтому началась погоня за числом публикаций, притом что источник публикации работы подчас стал считаться важнее самих опубликованных научных данных. В результате погони за количеством баллов, за высокими рейтингами университетов родились издательские финансовые пирамиды, публикация статей за деньги и девальвация статуса научной статьи.

Ключевые слова: реформа науки и образования, эффективность, показатели, индексы цитирования, рейтинг университетов, девальвация научной статьи.

CONSEQUENCES OF ATTRACTION BY QUANTITATIVE INDICATORS OF PERFORMANCE IN SCIENCE AND HIGHER EDUCATION

M.G. Lazar

Russian State Hydrometeorological University

The consequences of the reform in science and higher education in Russia, the exaggerated role of quantitative performance indicators (and not efficiency) of individual researchers, scientific and educational organizations are studied. It is proved that these indicators do not take into account the substantial diversity and disciplinary specifics of the sciences and were developed without the direct participation of scientists themselves. Therefore, the pursuit of the number of publications began, despite the fact that the source of the publication of the article was sometimes considered more important than the scientific data published in this article. As a result of the chase for the number of points, publishing financial pyramids, printing of articles for money and devaluation of a scientific article were born for the high ratings of universities.

Keywords: science and education reform, efficiency, indicators, citation indices, university ratings, devaluation of a scientific article.

Введение

В начале нулевых годов XXI века в системе высшего образования России начался процесс ее реформирования сверху, который вначале обозначился как реформа в русле Болонской декларации, к которой Россия реально подключилась на пять лет позднее европейских стран. Это привело к созданию двухуровневой системы высшего образования: бакалавриат — магистратура, к сокращению числа университетов, к утверждению иных показателей определения уровня

образования, а после 2010 г. реформа приняла форму Стратегии повышения глобальной конкурентоспособности российских вузов и программы «5-100-2020». Согласно этим планам, к 2020 г. 15 вузов страны должны войти в топ-200, а пять из них — в топ-100 Глобального рейтинга университетов (ГУР) [3], и все это — при постоянном снижении базового бюджетного финансирования высшего образования. В те же годы начались реформа академической науки и атаки управленцев на Российскую академию наук.

Задачей данной статьи является анализ некоторых последствий этих реформ при явном увлечении реформаторов количественными показателями эффективности вузов, научных учреждений и ученых — преподавателей вузов и сотрудников научных учреждений. Гипотеза исследования состоит в том, что реформа не способствовала прорыву в научной сфере и росту качества образования в вузах страны, а, наоборот, привела к потере прежних достижений как в образовании, так и в науке. Использовались следующие методы исследования: вторичная обработка данных, опубликованных в социологических журналах, и наблюдение.

Постановка проблемы

Реформирование науки и высшего образования в России имеет свою историю, породившую негативную предубежденность в отношении науковедческих исследований, и наукометрии в частности. Еще в 70-е годы прошлого века, когда в СССР и на Западе бурно развивались такие исследования, исследователи науки слишком много обещали, а организаторы и управленцы от науки слишком много ожидали. Уже тогда возник вопрос о том, понимают ли друг друга и на одном ли языке говорят те, кто делают науку, и те, кто управляет наукой (да и образованием тоже). Корни разноязычности этих двух групп очень глубоки, и она связана не только с их положением по отношению к науке, но и со спецификой их деятельности. «Одни находятся в науке, ... через различные формы сотрудничества, профессионального взаимодействия они включены в функциональные механизмы этой системы; продукт их деятельности — знание, и естественно, что их интересы (и «язык») связаны с существом и спецификой процессов порождения нового знания. Другие же не участвуют в процессе производства знания, для них содержание науки роли и не играет, для них ... наука предстает как система показателей... Но однажды выбранные, показатели начинают жить своей жизнью — с помощью тех людей, которые «делают» показатели, говорят и мыслят на языке показателей. А вот это уже не просто плохо, а очень плохо, ибо реальная жизнь науки контролируется (и тем самым деформируется) по этим показателям» [6, с.15].

Специфика науки, а отчасти и высшего профессионального образования состоит в том, что эти два тесно взаимосвязанные вида деятельности являются творческими, а вернее сказать, в них преобладает творческое начало, и, следовательно, они трудно поддаются формализации и жесткому управлению, планированию и оценке результатов. Современная научная деятельность, как в России, так и за рубежом, осуществляется в организациях (университетах, исследовательских институтах, академиях), вследствие чего *заметно возросла роль управленческих*

структур, корпоративной бюрократии, которая занимается управлением инфраструктурой, обеспечивающей нормальную деятельность исследователей. Российским научным сообществом давно признано, что главной болевой точкой отечественной науки и образования является растущая бюрократизация управления научными и образовательными учреждениями.

Вместе с тем «понятие «*эффективности науки*» понимается весьма по-разному учеными и научной бюрократией: для ученых эффективность науки — понятие второстепенное, связанное с применением результатов научного познания на практике, а на первом месте для них находится сам процесс познания, открытия новых свойств и связей окружающего мира. Для управленцев, чиновников от науки, эффективность ставится на первое место, она понимается то как максимальное повышение ее продуктивности в виде количества публикаций, патентов, новых методик и др., то как усиление той или иной функции науки в зависимости от потребностей экономики и политики» [4, с. 143].

Что касается высшего образования, то для участников этой системы на первое место должно ставиться качество учебного процесса и его обеспечение методическими разработками, учебниками, адекватными приборами, постоянное самообразование. Занятие наукой в российских университетах, в отличие от американских и европейских, традиционно находится на втором месте, ибо условий для систематических занятий наукой у большинства университетов нет.

Таким образом, в системе науки и высшего образования наблюдается реальное расхождение целей деятельности и мотивации упомянутых групп. По меткому выражению известного науковеда Э.М. Мирского, «целью научного сообщества выступает, прежде всего, обеспечение «*research integrity*» (*исследовательской целостности*) через экспертизу (т.е. оценку степени новизны вклада ученого — прим. авт.), в то время как управление организациями нацелено на достижение *максимальной продуктивности* научной профессии, ее вклада в развитие других социальных институтов — образования, промышленности, сельского хозяйства, медицины, обороны и т.д.» [7, с. 19].

Управленцы жаждут везде видеть эффективность. А оценивается ими эффективность деятельности ученых *исключительно* через число научных публикаций (тезисов и докладов на научных конференциях, статей, монографий, патентов) за определенный интервал времени и через статус журналов, в которых эти статьи публикуются (внутри страны или в зарубежных журналах и баз данных) [4, с. 143]. В системе высшего образования к ним добавляются баллы за разработку новых программ преподаваемых дисциплин по быстро меняющимся стандартам и шаблонам, за публикацию методических указаний и пособий, учебников и монографий, плюс невероятное количество справок, отчетов, планов и других бумаг.

Нельзя при этом пренебрегать различиями между учеными-преподавателями в вузах и учеными-исследователями в НИИ, а также дисциплинарными различиями, т.е. *пренебрегать содержанием их работы, как и различиями между российскими и европейскими и американскими университетами*. Российские ученые-преподаватели, работающие в вузах, кроме огромной аудиторной, «контактной» работы со студентами и аспирантами, вовлечены в бесконечные процедуры

аттестации, лицензионных проверок и аккредитации образовательных учреждений, они чрезвычайно перегружены отчетной документацией, препятствующей проявлению творческих инициатив. В силу этого многие из них в результате «оптимизации» высшего образования и с учетом непомерного роста реальной аудиторной нагрузки не успевают подготовить необходимые и качественные статьи, учебники, монографии, диссертации или делают это за счет своего свободного времени и здоровья.

Кроме того, идея превращения российских университетов в источник научно-технических знаний, наподобие американских университетов, не учитывает российские реалии — низкий уровень технического оснащения большинства университетов России и неоправданно низкий уровень зарплаты преподавателей, людей науки в целом, которая лишь для незначительного числа представителей преподавательского корпуса и академических кругов компенсируется системой грантов (ведь гранты получает лишь небольшая доля ученых — около 30 % подавших заявки на грант). Поэтому, прежде чем говорить об эффективности (на деле о росте продуктивности) российской науки и образования, следовало бы предпринять меры по увеличению доли базового финансирования науки и образования в бюджете страны. И лишь после этого можно было бы обсуждать способы финансирования и критерии оценки эффективности вложений в науку и высшее образование. Ведь большинство российских ученых и преподавателей вузов получают сегодня заработную плату, сопоставимую с жалованием уборщицы в банке или в офисе частных компаний, меньшую, нежели зарплата водителя, и в несколько раз меньшую, нежели жалование преподавателя вуза в Европе или США [2].

Реформы в этих творческих, по сути, областях, именуемые *оптимизацией*, введение системы показателей в вузах страны и в научных учреждениях *были осуществлены без их предварительного широкого обсуждения в научной среде*. Лишь в СПбГУ в 2014—2015 г., после введения всех этих зарубежных новшеств, на теоретико-научных семинарах ряда кафедр состоялось их обсуждение преподавателями и аспирантами. На обсуждение была вынесена тема: «Критерии эффективности научных исследований: а судьи кто?». Обсуждались также и следующие вопросы: какие критерии эффективности существуют в различных научных и образовательных учреждениях, как должны меняться критерии эффективности в зависимости от области научных исследований, какими могут быть качественные критерии.

При обсуждении этих вопросов подчеркивалось, что *«проблемы эффективности науки возникают тогда, когда критерии исследований определяются не самими учеными, а представителями различных управленческих структур, когда автономное научное изыскание подменяется бюрократическими требованиями и регламентируется абстрактными стандартами и показателями»* (курсив наш — М.Л.) [1, с. 188—189].

Выводы, к которым пришли ученые в результате обсуждения этих проблем, в корне противоречат существующим практикам в системе российского высшего образования и науки, тем более что подобные обсуждения *до принятия* официальной системы показателей эффективности практически не проводились. Как

подчеркивалось во время дискуссии, «СПбГУ — это, прежде всего, учебное заведение, поэтому оценка преподавательской деятельности сотрудников, количественных и качественных показателей их учебной нагрузки представляется столь же существенным критерием их работы, как и достижения в науке» [1, с. 189].

Несмотря на возросшую нагрузку всех преподавателей в результате «оптимизации» деятельности вузов, как раз этот важный компонент системы показателей отражен мало, за исключением подготовки учебных программ по новым дисциплинам. Но программы новых дисциплин готовят не каждый год, а отчеты надо представить ежегодно, они влияют на размер поощрения преподавателей вузов. В дискуссиях подчеркивалась также мысль о том, что требования по количественным данным *должны учитывать содержательное разнообразие и дисциплинарную специфику наук* и вырабатываться при непосредственном участии самих ученых, что надо поддерживать издательскую деятельность, публикацию университетских журналов, а при экспертизе заявок на участие в научных конференциях и грантах надо привлекать настоящих профессионалов, решения которых должны быть открытыми и обоснованными. Все это именно то, чего не встречается в действительности, то, что вызывает напряжение и недовольство преподавателей и ученых университетской и научной среды.

Реформа (оптимизация) высшего образования и науки в зеркале социологии науки и образования

Управление наукой и высшим образованием, этими двумя неразрывными формами профессиональной деятельности, касается поведения многих сотен тысяч исследователей, преподавателей вузов, т.е. формирования структуры и институтов сообществ, сети научных коммуникаций и информационных потоков, статусных отношений, контроля качества «научных продуктов» и, что важнее всего, механизмов воспроизводства профессии и подготовки новых поколений исследователей.

За последнее десятилетие, по нашему мнению, в России наблюдается некритичное перенесение европейского и американского опыта управления университетами и наукой в целом, т.е. введение так называемого *менеджерального типа управления университетами*, которые в США с момента их создания в силу их щедрого финансирования бюджетом и крупным бизнесом были источником научно-технических знаний. И делается все это под лозунгом интеграции российской науки в мировую науку и роста мобильности студентов и преподавателей.

В Европе университеты давно стали подвергаться критике за чрезмерную свободу действий и отсутствие связи с рынком труда, что привело к изменениям в русле принятой в 1999 г. Болонской декларации. Поэтому там вслед за США наблюдался переход от гумбольдтовской модели исследовательского университета, сформировавшейся в начале XIX века в Пруссии, к так называемой *модели университета третьего поколения, или предпринимательского университета как бизнес-модели*, основанного на принципах нового государственного управления (New Public Management, NPM) [3]. Согласно этой модели, деятельность университетов (наподобие организаций в сфере бизнеса) должна быть прозрачной и

оцениваться с помощью четких индикаторов и параметров, отражающих успехи в производстве и накоплении финансовых ресурсов (объем привлеченных средств из фондов, из сферы бизнеса), человеческого капитала (число преподавателей с научными степенями, число студентов), репутационного капитала (престиж, статус). Возникает вопрос: а разве большинство из созданных в 90-е годы в России более чем пятисот университетов сравнимы с университетами Европы и США по финансированию, уровню оснащения и структуре, по традициям разделения научного труда в стране?

Разработанные и примененные в недалеком прошлом чиновниками от высшего образования и науки критерии «эффективности» университетов в России содержат много курьезных, не свойственных нашей стране понятий и требований. В них преподаватели уже не обучают студентов как раньше, а «оказывают образовательные услуги», а студенты — это «клиенты», притом, что базовое финансирование из госбюджета ежегодно сокращается, а крупный бизнес в подготовке кадров для себя практически не участвует. Существует множество аргументов против отношения к университетам как к бизнес-акторам, а к студентам как к клиентам, но применение этой модели становится все более распространенным не только в Европе, но, к сожалению, и в России. *Однако Россия — не Европа и не США.* Реформаторы почему-то уверены в обратном и действуют жестко, считая, что высокие рейтинги университетов являются одним из важнейших критериев эффективности новой бизнес-модели университетов. Тем не менее многие страны выбирают российские вузы для обучения своей молодежи не только на базе рейтингов, но и по другим критериям.

Репутационные рейтинги университетов появились в англоязычных странах в конце прошлого века, однако до 1997 г. они ограничивались национальными системами образования. «Первый успешный опыт создания общемировых рейтингов относится к середине 2000-х годов: в 2003 г. Шанхайский университет предложил собственную систему оценки академических успехов вузов по всему миру (Academic Ranking of World Universities), с 2004 г. альтернативы ARWU предоставили британский холдинг «TSL Education Ltd» (рейтинг THE) и испанская информационная лаборатория «Cybermetrics» (рейтинг Webometrics)» [11, с. 97]. В 2004 г. появился совместный рейтинг THE-QS. В 2009 г. компания THE (Times Higher Education) создает новый рейтинг совместно с компанией Томсон Ройтерс.

Тем не менее в целом ряде университетов, особенно в Германии, усиливалась критика существующих рейтинговых систем, в частности GUR, в результате чего многие немецкие университеты отказывались участвовать в нем. Качество исследований измеряется не только с помощью баз данных о публикациях, но и объемом привлеченных извне финансовых средств в расчете на одного сотрудника университета. В ответ на критику Европейский совет поддержал создание нового Европейского рейтинга университетов «U-Multirank». «Правительство России среагировало и разработало стратегию повышения глобальной конкурентоспособности российских вузов Программой «5-100-2020», согласно которой 15 вузов страны должны войти в топ-200, а пять из них — в топ-100 мировых рейтингов ГУР к 2020 году» [3, с. 113].

Эта программа, однако, не учитывает отличия России от многих западных стран в плане разделения научного труда, что воплотилось в попытке реформирования Академии наук. На Западе университеты и вузы в целом с начала XX века ориентированы на практику и конкретные научные исследования, так как крупный бизнес всегда участвовал в их финансировании. У нас существовала исследовательская триада: Академия наук, отраслевые КБ и НИИ, и отраслевые академии, а университеты и отраслевые учебные институты занимались преимущественно подготовкой кадров при бюджетном финансировании. Попытка сломать эту традицию пока оказалось неудачной. Вторая проблема реформы университетов — это бюрократизация системы «5 — 100» и управления университетами, а третья — умение донести свои идеи на английском языке до мирового научного сообщества. «Мало иметь хороших авторов и отличные идеи, чтобы занимать верхние позиции в международных рейтингах, важно донести свои идеи до мирового сообщества. И тут начинаются серьезные проблемы... люди, владеющие английским языком как инструментом взаимодействия в глобальной среде, занимают 5 % среди населения страны... в Китае этот процент составляет 20 %, во Франции — 36 %, в Германии — 70 %» [11, с. 102]. Заглядывая в будущее, можно надеяться на улучшение ситуации с языком, но до тех пор, пока нынешние школьники и студенты получают признание как ученые, пройдет намного больший срок, чем отведен властями на программу «5 — 100».

При начатой в России гонке за увеличение рейтингов университетов остается в тени и ряд других вопросов. «Ключевой вопрос — какую выгоду получают университеты от участия в рейтингах — не первый год будоражит умы как сторонников, так и противников ранжирования вузов» [11, с. 98]. Оставляя в стороне главную предполагаемую выгоду и одновременно цель реформы университетов в России — увеличение их привлекательности для зарубежных студентов, можно с уверенностью сказать одно: «если в ситуации разумного применения рейтинги позволяют снизить горизонт академического произвола, то бездумное сведение рейтингов от средства оценки к «цели» неминуемо приводит к обнулению их эффективности» [11, с. 98].

Стоит также задуматься над вопросом: высокие позиции в рейтингах идентичны ли их мировому признанию? Ведь происходящие реформы в области науки и образования в России создали атмосферу неопределенности, скрытой напряженности, ожидания неотвратимых перемен, от которых мало кто в стране и научной среде ждет позитивных результатов. Наконец, проходящая не один год кампания по смене нынешнего руководства большинства НИИ и вузов вызывает напряженность в коллективах, перемены в складывавшемся годами или десятилетиями неформальном подходе к планированию рабочего времени, стиле общения руководства с коллективами институтов или университетов, хотя для небольшой части молодых ученых реформы стали шансом продвинуться, сделать быструю научную и административную карьеру.

Что касается индивидуальной оценки деятельности ученых и преподавателей вузов, то эта оценка (в том числе лицензирование и аккредитация высших учебных заведений) «должна осуществляться самоорганизованным сообществом

высшей школы. Деятельность Рособнадзора вызывает множество нареканий и в целом должна быть признана вредоносной» [2].

Наукометрия и «оптимизация» российской науки и высшего образования

Наиболее сложной и одновременно наиболее болезненной проблемой в современной науке является оценка личного вклада в науку отдельного ученого, которая не сводится к продуктивности ученого. В 60-е годы прошлого века в рамках науковедения зародилось новое направление, получившее название «наукометрия», а также «библиометрия», но утвердилось первое название. В те же годы появился термин *индекс цитируемости*, под которым первоначально понималось число ссылок на все работы данного ученого, выполненные им в определенной отрасли науки за определенный период времени.

В отечественном и зарубежном науковедении этот термин получил широкое распространение, но параллельно с ним в 1972 г. появился другой показатель — импакт-фактор, введенный в научный оборот Джоном Гарфилдом (J. Garfield), который также учитывал уровень цитируемости статей, опубликованных в научном журнале (см. [4]). Этот показатель был назван по имени своего изобретателя. Однако за последние годы наиболее широко применяемым во всех отраслях науки, хотя и наиболее критикуемым, наукометрическим индексом стал индекс Хирша, или *h-index*, предложенный в 2005 г. американским физиком Хорхе Хиршем. В настоящее время в России он стал главным и решающим фактором при аттестации ученого или профессора вуза. В кратком виде он выглядит так: «если у исследователя имеется n опубликованных статей, каждая из которых процитирована не менее чем n раз независимо от того, кто, где и когда их процитировал, то его личный *h-index* равен n » [9, с. 73].

У индекса Хирша есть как свои плюсы, так и свои минусы. Среди его плюсов можно отметить, что он всегда есть положительное число и не может превысить общее число публикаций исследователя. Однако, по мнению цитированного выше известного исследователя проблемы наукометрических индикаторов О.В. Михайлова, «прямой корреляции между «хиршем» исследователя и общим числом ссылок на его публикации ... нет — можно привести ни один и не два примера, когда ученый с гораздо большей цитируемостью по сравнению с другим коллегой по «цеху» имеет более низкий *h-индекс*» [9]. Далее Михайлов приводит пример известного французского математика Эвариста Галуа, число ссылок на работы которого измеряется сегодня пятизначным числом, но индекс Хирша у него равен 2 и будет таковым всегда, ибо ему принадлежит всего две работы. И далее автор [9] приводит в пример себя: число ссылок на работы у него на порядок меньше, но «хирш» в базе данных WoS на момент написания статьи был равен 16 при числе опубликованных и процитированных работ в этой базе свыше 500.

И на базе такого «совершенного» индикатора сегодня многие ученые, а также чиновники от науки берутся оценивать научную деятельность и вклад отдельных ученых, кафедр, подразделений исследовательских институтов [4, с. 146].

Пора вместо слова «индекс» начать употреблять русское слово «показатель» и тогда получится, что все эти оценки — «показуха», а не вклад в науку (что, впрочем, тоже не исключено). Все это напоминает критерии определения «эффективности» вузов, когда известная на весь мир Петербургская академия балета им. Вагановой была несколько лет назад объявлена чиновниками Обрнадзора «неэффективной» [4, с. 146]. Действительно, оценки всегда содержат долю субъективности, хотя они и составляются на основе электронных баз данных, как отечественных, так и зарубежных.

Первая в мире такая электронная база данных и цитируемости — Web of Science (WoS) — была создана около полувека назад американским Институтом научной информации (Institute of Scientific Information, ISI) и в начале своей истории не была востребована даже учеными. Ее значимость возростала по мере распространения Интернета и формирования нового мировоззрения в научной среде, а также по мере появления новых баз данных, среди которых можно отметить европейскую Scopus, которая сегодня стала значимой и при оценке работ российских ученых. Однако как одна, так и другая слабо отражают публикации в области социально-гуманитарных наук, поэтому для них были созданы специальные базы данных: Social Science Citation Index и Arts and Humanities Citation Index.

Российских исследователей обрадовало создание в 2005 г. собственной базы цитируемости научных изданий и индивидуальных исследователей — Российского индекса научного цитирования (РИНЦ, RISC) (URL:http://elibrary.ru/projects/citations/cit_index.asp, 2014), которая успешно отслеживает цитируемость российских ученых в российских научных журналах и сборниках. Эта национальная информационно-аналитическая система накопила более шести миллионов публикаций российских авторов из более чем 4500 российских журналов, из которых более 2900 представлены в полнотекстовом виде на платформе eLIBRARY.RU. «На основе объективных данных она может оценивать *результативность* исследовательской работы и статистику публикационной активности более 600 тысяч российских ученых и более 11 тысяч научных организаций, относящихся ко всем отраслям знаний» [9, с. 89]. Цитированный выше автор О.В. Михайлов дает множество квалифицированных и полезных советов по совершенствованию РИНЦ, в частности, относительно соавторства и самоцитирования. Он же указывает на новые аспекты количественного учета результативности российских исследователей, связанные с превращением публикационной деятельности ряда журналов в коммерцию.

В условиях информационного общества, цифровизации многих сфер жизнедеятельности современного общества очевидна положительная роль компьютеризации науки, процесса познания. Вместе с тем благодаря электронным базам данных в последнее время пробила себе дорогу идея о том, что важны не только научные данные как таковые, но и тот источник информации, где они опубликованы. «А в самые последние годы... источник публикации статьи подчас стал считаться *важнее* самих опубликованных в этой статье научных данных. Особенно резко — едва ли не в гротескной форме — эта тенденция проявилась в последние десять лет, когда уже на уровне ключевых наших ведомств, курирующих развитие

отечественной науки, — РАН и Минобрнауки РФ, а также ВАК РФ — было установлено, что в отчетности как научных и образовательных учреждений, так и для работающих в них научных и научно-педагогических работников основополагающим моментом должно стать число публикаций в научных изданиях (и, прежде всего, в журналах), индексируемых в международных базах данных цитируемости Web of Science... и (или) Scopus» [10, с. 59]. Однако оказалось, что у многих российских исследователей и даже у некоторых академиков или научных учреждений нет таких работ, которые можно надеяться в них опубликовать. При этом отсутствие таковых может негативно сказаться как при аттестации исследователей и преподавателей, так и при аккредитации научных и образовательных учреждений. Но, как известно, спрос рождает предложение, и в результате родились «мусорные» и «хищные» журналы, как их называет цитированный выше О.В. Михайлов. Этот издательский бизнес породил систему Open Access, ставшую, по сути, нечистоплотным бизнесом, который существует не только в России, но и в других странах Востока и Запада (см. [10, с. 60—68]).

Этот бизнес — результат повышенного значения, которое придается числу публикаций в настоящее время. «В основном публикациями в этих журналах озачены те авторы, статьи которых в силу низкого научного уровня их исследований ни один из серьезных и авторитетных журналов публиковать не станет, а также те, кому надо срочно пополнить свой «научный капитал» в связи с избранием (переизбранием) по конкурсу или защитой диссертации» [10, с. 64]. И далее автор цитируемой работы излагает семь мер предосторожности, позволяющих не оказаться «в дураках», предлагая свою статью для публикации в неизвестном журнале.

Такой «бизнес» опасен для науки не только девальвацией значимости научных публикаций, но и резким снижением уровня морали в науке и образовании. Рейтинг лица или учреждения таким способом увеличивается искусственно, но никакого реального вклада в науку не вносится, а научная статья перестает быть «ядром социотехнической сети по производству знания» [12, с. 68—80]. Таким образом многие научные администраторы и менеджеры от науки и образования паразитируют на этой системе и на «научном рабстве», на вынужденном соавторстве.

Выводы

Необходимым условием сохранения качества образования и прогресса российской науки является обеспечение стабильного *базового бюджетного финансирования* научных и образовательных учреждений. Грантовое финансирование должно быть лишь *дополнением* к базовому финансированию наиболее активных ученых при расширении и совершенствовании самой системы грантов. Нельзя заставлять всех ученых написать заявки на гранты, и при этом от власти зависит стимулирование создания таких фондов негосударственными, крупнейшими частными компаниями и корпорациями, что даст возможность увеличить размеры и сроки грантов.

«Разноязычность» непосредственных деятелей науки, преподавательского корпуса вузов России и их управленческих структур снижала и снижает результативность науки и высшего образования. Современный мировой опыт демонстрирует успешные шаги в сближении этих двух групп — администрации и ученых, работающих в сфере исследований и преподавания. Достигнуть этого в России можно путем дифференцированной оценки деятельности научных организаций, высших учебных заведений, их подразделений и отдельных сотрудников в зависимости от специфики области знаний и конкретных решаемых ими задач, исключением формального подхода, основанного на количественных критериях.

В увлечении рейтингами, в злоупотреблении количественными показателями виновата не наукометрия как раздел науковедения, а усиливающаяся власть чиновников в науке, образовании и в государстве.

Новизна данного исследования состоит в изучении не только позитивных, но и негативных последствий проведенных реформ в науке и высшем образовании, которые проявляются в преувеличенной роли количественных показателей при оценке внешними контролерами результативности ученых и организаций. Погоня за числом публикаций в иностранных журналах и базах данных, за увеличением индивидуальных показателей и индексов привела к появлению платной публикации статей, издательских финансовых пирамид и девальвации значимости и роли научных статей. Рост рейтинга университетов из средства превратился в цель — он подменяет реальный прогресс в науке и образовании.

Список литературы

1. Душин О.Э. Идея университета: история и философия европейского образования и науки (обзор научно-теоретических семинаров) // Социология науки и технологий. 2016. Т. 7, № 4. С. 186—192.
2. Заявление руководства Санкт-Петербургского союза ученых по поводу заседания Совета по науке и образованию при Президенте Российской Федерации 27 ноября 2018 г. Сайт: www.spass-sci.ru [Дата обращения – 7.01.2019].
3. Кугель С.А., Блок М., Хватова Т.Ю. К вопросу о применении бизнес-модели в сфере высшего образования // Социологические исследования. 2014. № 10. С. 106—115.
4. Лазар М.Г. Наукометрия, научное творчество и эффективность науки // Труды экономического и социально-гуманитарного факультета. 2015. Вып. 9. С. 143—150.
5. Лазар М.Г. Социальная мобильность ученых и студентов, ее формы и актуальные проблемы // Ученые записки РГГМУ. 2014. № 33. С. 168—176.
6. Мирская Е.З. Проблемы совершенствования организации науки // Социология науки и технологий. 2014. Т. 5, № 3. С. 10—16.
7. Мирский Э.М. Социология науки — новые вызовы // Социология науки и технологий. 2011. Т. 2, № 3. С. 13—30.
8. Михайлов О.В. О научно-этических проблемах «хиршеметрии» // Социология науки и технологий. 2014. Т. 5, № 4. С. 71—78.
9. Михайлов О.В. РИНЦ: первые десять лет развития // Социология науки и технологий. 2016. Т. 7, № 1. С. 86—94.
10. Михайлов О.В. Феномен «мусорных» журналов как прямое следствие коммерциализации наук // Социология науки и технологий. 2018. Т. 9, № 2. С. 56—72.
11. Николаенко Г.А., Разина Т.В. Российские университеты в мировых рейтингах: успехи, провалы, перспективы // Социология науки и технологий. 2017. Т. 8, № 1. С. 96—112.
12. Попова Н.Г. Научная статья как ядро социологической сети по производству знания // Социология науки и технологий. 2017. Т. 8, № 1. С. 68—84.